

Майор С. МОРЩИХИН

ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

Автор этих заметок майор С. Морщихин до войны был режиссером театра. Он работал в Ленинградском Большом драматическом театре им. Горького, руководил филиалом этого театра в Мурманске и т. д. С первых дней войны т. Морщихин на фронте. Ниже мы печатаем отрывки из его фронтового блокнота.

Три с половиной года, напрягая зрение и слух, мы обращены лицом к врагу. Закат солнца мы видим чаще, чем восход его. Мы смотрим на запад, и солнце восходит за нашей спиной. Такова особенность войны. И в чертах наших характеров, в нашем поведении, в восприятии жизни тоже появились свои особенности...

С детства живет в нас любовь к природе. Она жива и сейчас. Но часто, вместо того чтобы воскликнуть: «Какой чудесный вид с этого холма! Как красивы эта лужайка и ручей!», мы произносим то, что мозг уверенно и деловито подсказывает нам: «Здесь готовая открытая огневая позиция кругового обстрела... вон туда выкинуть ПТР с маскировкой».

Беспечность, которая овладевала нами, бывало, в лесу, когда собираешь грибы и палочкой сбиваешь поганки, — ее нет теперь. Зрение непроизвольно ищет натяжные и нажимные динные довушки, тело само льнет к стволам деревьев, и шаг меняет скорость, не давая фиксировать на тебе прицел. Я имею в виду, так сказать, условные рефлексы войны, которые выработались у нас за эти три года с половиной.

А разве нет изменений в наших отношениях к людям? В отношениях друг к другу? Здесь — сложнее, конечно... Примечательно, что появилась новая, в каких-то оттенках, военная осмысленность в оценке человека. Верность, надежность для нас как бы вытесняет все другие качества. «Этот не подведет!» — высшая оценка бойцу. Заметьте, какое само выражение: «Не подведет». Ведь дурной человек может подвести свою часть, товарищей, командира. И это самое страшное для людей, делающих сейчас лишь общее дело и вовсе забывших или отложивших дела личные...

Я говорю «забывших и отложивших», прекрасно зная, что это не просто и не сразу делается. Человеку надо втянуться в войну. Так и происходит. И вот интересно замечать, как изменяются люди в нашей обстановке. Иные как бы внутренне сопротивляются сначала, дорожат по привычке своими прежними, довоенными навыками. Другие же сразу берутся за новое дело и, уйдя в нег с головой, сами удивляются себе, когда им вдруг надоест пугаться разной пальбы, и начинает спориться у них военная работа. А осенит такого боевая удача, он уже считает себя бывалым воякой. И правильно считает. Он прав, он уже совсем не тот, кем он был. Он стал воином, солдатом, человеком с ружьем. Сколько разительно бывают эти превращения! Как бы увидеть их и вдохновиться ими нашим драматургом?!

В 1942 году моим соседом по койке в госпитале был мой однополчанин лейтенант Кондратович. Сухопарый и долговязый, всегда оживленный своим рассказом или общей беседой, он был душою всей палаты. Не случайно врачи сделали нас соседями: по выражению Кондратовича, «из нас двоих мог получиться один вполне здоровый старший лейтенант». Я был тогда капитаном и с моими гипсовыми руками состоял у него, раненого в обе ноги, на побегушках, а его ру-

ки были необходимы мне, чтобы обедать, умываться, причесываться и даже чистить зубы. Такая «взаимозаменяемость», естественно, облизала нас, и мы часто открывничали. И вот что я узнал.

Был Кондратович директором совхоза в Белоруссии. Совхоз был опытным, исследовательским, связанным с агрономическим техникумом. Кондратович выращивал на опытных полях дикие злаки, в садах и огородах выхаживал невиданные сорта вкуснейших фруктов и овощей. Он переписывался со всем светом. Он следил, как растет кривая количества ценнейших даров земли. Он был энтузиастом изобилия. Стоило послушать его выкладки о том, сколько чего принаеб бы у нас на душу населения через три года, не будь войны! На память, извлеченной из бумажника фотографии он был залечен в белой украинской рубашке, сандалиях, полноватый, даже с брюшком, среди арбузов, тык и чуть ли не бананов. Таким он был раньше.

Через три месяца после начала войны к нам в полк прибыл новый начальник полковой артиллерии. В выжженной, выдвигавшей шины, худой и долговязый, вошел он в землянку штаба и представился охрипшим и застуженным голосом: «Лейтенант Кондратович, назначенный в ваш полк начартом, прибыл». Затем, опустив руку, добавил: «Вот документы и письмо». Генерал написал в письме всего четыре слова красным карандашом на куске газеты: «Парень — орел, вам подойдет». И подписал...

Кондратович ушел знакомиться, принимать. Наутро стало известно: 1) оборудованы два новых ЭНПЭ (наблюдательные пункты), 2) перебазирован артсклад, 3) поступило два рапорта с жалобами на оскорбления, нанесенные новым начартом (одного назвал шляпой и бабой, другого бездельником или мотыльщиком, точно не установлено). 4) ночью выкатывали два орудия на прямую наводку и разбили баржу, стоявшую у берега, где немцы что-то строили.

И пошло, и пошло... Он строил ЭНПЭ в опасных местах и часто их перемещал, он лазил на деревья, скакал на своем кауром «Демоне», ползал на брюхе, хрипел по телефону, подчас путая позывные и гугаясь, и стрелял, стрелял, стрелял...

Однажды — это были наши первые наступательные бои в самом начале 1942 года — мы окружали

немецкий гарнизон в точке, которая на карте называлась «Баракки». Избалованные победами немцы не сдавались день, два, три. Иногда стихал треск стрельбы, и мы переругивались с ними. Непревзойден и в этой области наш русский язык! Но громче всех раздавался хриплый бас Кондратовича... Мы прошли дальше, а наша артиллерия отстала. Блокированный немецкий гарнизон беспокоил нас сзади, оттягивая почти батальон. Надо с ним покончить. А пушек еще нет. И вдруг три танка выезжают из «Баракки», пытаюсь пробить проход. Стало трудно. И в этот момент подбегает одна из полковых пушек. Ее вручную подтаскивают навстречу танкам, и Кондратович первым же выстрелом разбивает башню переднему танку. Но и нам досталось. Пушка разбита, прислуга выбыла из строя. Тогда Кондратович, раненый, с пятнадцати шагов противотанковой гранатой подбивает второй танк. А третий и за ним весь гарнизон сдались.

Белорусский агроном стал яростным и неутомимым истребителем немцев. Какое множество подобных превращений! Пути их неисповедимы. Так юный телеграфист со станции Чернуха Паша Ахтубин стал виртуозом-автоматчиком. Он азбуку Морзе выбивает выстрелами своего ППШ. Сергей Трепарь — речник с волжского дебаркадера — стал вылающим офицером-разведчиком. Тысячи ленинградских ополченцев, — в прошлом кабинетные работники, аспиранты и научные сотрудники, близорукие от многолетнего чтения и письма, инженеры и управхозы, пробабы и актеры — стали солдатами.

Среди них видал я в делах сержанта Семена Пушкина из Ленинградского полка, автоматчика Маринина из Театрального института, гвардии капитана Морозова из Театра Революции, красноармейцев Кузнецова и Дермана, скрипача и виолончелиста из Малого оперного театра и немало других товарищей.

Встретившись после победы, мы помянем павших героев, и среди них Сено Пушкина, веселого сержанта, отделенного командира.

В начале войны все спрашивали друг друга: где работал, кем работал. (Теперь иначе: интересуются, где воевал и у кого служил). Так вот мы с Пушкиным скрывали свою профессию.

Почему? Бог его знает. Нам казалось, что не пользуется наша профессия серьезным, деловым авторитетом у военного народа. И в этом, пожалуй, мы не ошибались. Нас многие представляли как баловней судьбы. Причем не укоряли этим, а так, снисходительно и доброжелательно улыбались...

Многие труженики советского искусства находятся ныне в рядах Красной Армии. Время войны было для них большой школой. Когда они вернутся с войны, они внесут в работу те черты, которые усвоили на фронте. Это принесет хорошие плоды и в том творческом деле, которому они отдадут остаток своей жизни.